

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.1

Т.Х. Керимов

«НОВЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ» В СОЦИОЛОГИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Дается критический анализ онтологических последствий «нового материализма» в социологии. Уточняются контекст развития «нового материализма» и его ключевые требования, которые в совокупности создают предпосылки для формирования «плоской онтологии» сборок. Последняя противопоставляется эссенциалистской онтологии мейнстримсоциологии. Раскрываются онтологические тупики «нового материализма» и их влияние на дисциплинарную и постдисциплинарную идентичность современной социологии.

Ключевые слова: новый материализм; мейнстримсоциология; социальный конструктивизм; социальная онтология; сборка; корреляционизм; антропоцентризм; дисциплинарность; постдисциплинарность.

Введение

«Новый материализм» приобрел широкую известность в философии и социально-гуманитарных науках в первые десятилетия XXI в. С этим движением связывают имена К. Барад, Дж. Беннетт, Р. Брайдотти, М. Деланды, Б. Латура, Г. Хармана [1]. Все вышеупомянутые авторы крайне критичны в отношении собственного мейнстримсоциологии пренебрежительного отношения к материи как чистого вместилища формы, чистой пассивности или восприимчивости. Задача новой материалистической социологии состоит в изучении процессов производства, а не конструирования, социального. Материя наделяется свойствами энергетизма, витализма, генеративных способностей. Такие понятия, как «интрадействие», «пульсирующая материя», «сборка», «аффект», «перформативность», в качестве наиболее очевидных примеров отражают живой, деятельный характер человеческой жизни, общеизвестные практики которой формируются на пересечении человеческого и нечеловеческого, органического и неорганического, социального и материального.

Важно подчеркнуть, что «новый материализм» – это не систематизированная теория. Поэтому вполне естественно, что далеко не все описания и оценки «нового материализма» согласуются между собой. Но вопреки всем различиям новых материалистов объединяет убеждение в необходимости онтологической переориентации современной социальной теории и, в частности, социологии. Данная статья предлагает критический анализ онтологических последствий «нового материализма» в описании и объяснении социального. Помимо того, что онтология является важнейшим компонентом и необходимой формой конституции социальности, можно выделить две причины обращения к онтологическим последствиям «нового материализма».

Во-первых, онтология дает полезную точку сравнения, с которой можно оценить новизну и ценность «нового материализма» в рамках дисциплины. Но оценка не может быть достаточным критерием, и тут встает, следовательно, вопрос об обосновании. Во-вторых, «новый материализм» претендует на построение новой социальной онтологии, и эта претензия заслуживает ответа. Предлагая такой ответ, мы исхо-

дим из того, что, несмотря на некоторые обоснованные заявления «нового материализма», онтологическое обесценение социального порождает ряд аналитических и методологических проблем при его описании и тем самым ставит под сомнение дисциплинарную определенность социологии.

Что нового в «новом материализме»?

Сегодня контекст рефлексии о материи изменился не только в ходе дискуссий в философии и естественных науках. Он трансформировался, исходя из требований социально-гуманитарных дисциплин и тех вопросов, которые, и на то были свои причины, не были поставлены в рамках мейнстримсоциологии. Тем более важно подчеркнуть контекст актуализации материализма в современной социологии. «Новый материализм» противопоставляет себя материализму мейнстримсоциологии, с одной стороны, и постструктурализму и социальному конструктивизму – с другой. Прежде всего следует отметить, что материализм всегда был важным элементом социологии. Вклад исторического материализма в этой связи следует признать как наиболее значимый. Но использование материалистических идей не менее очевидно и в различных немарксистских социальных теориях [2].

Тем не менее два уточнения необходимы, чтобы лучше очертить область материализма в мейнстримсоциологии. Во-первых, социологию интересует социальная или даже социализированная материя, практическое сочетание человеческих действий и нечеловеческих артефактов, «социально-материальные констелляции» [3. Р. 5]. Материя как таковая исключена из области социальных наук, она является предметом естественных наук. Но она присваивается, интегрируется в социальное посредством присвоения ей статуса внешнего. В этой связи исключение материи представляется как структурно необходимый элемент социального. Во-вторых, социализированная материя в свою очередь определяется через ее редукцию к самореферентным субстанциям, будь то «производственные отношения» К. Маркса, «социальные факты» Э. Дюркгейма, «социальные действия» М. Вебера. Более того, и что не менее важно, субстантивизм / редукционизм характерен не только для социологии в пору ее становления. Как мы увидим, он сохраняется,

хотя и в разных формах, на протяжении всей истории социологии.

Полагая, что социоматериальность невозможно свести к каким-либо субстанциям, столь популярным в редукционистских концепциях, социальный конструктивизм (и, в целом, постструктурализм), истоки которого в социологии восходят к Г. Зиммелю, М. Веберу и Дж. Миду и ведут через А. Шюца и феноменологию к символическому интеракционизму, этнометодологии и гуманистической социологии, предложили альтернативную перспективу, признающую гетерогенность социального, сложные связи между властью, знанием и дискурсом, телом и субъективностью. Новые материалисты прямо не отвергают постструктурализм: идеи М. Фуко и Ж. Делеза о телесных и недискурсивных практиках оказали решающее влияние на формирование «нового материализма».

Тем не менее социальный конструктивизм (и, в целом, постструктурализм) представляется весьма проблематичным для новых материалистов, поскольку он, будучи частью культурного или лингвистического поворота, выдвигает на первый план текстуальный и дискурсивный анализ. Идея опосредованности материи всевозможными дискурсивными образованиями – языком, текстом, культурными репрезентациями и символами – блокирует всякий доступ к ней: «социальное конструирование реальности – это не социальное конструирование всей реальности, а социальное конструирование *социальной* реальности» [3. Р. 12]. Это определение повторяет ту же тавтологическую или даже гиперболическую уловку, которую Дюркгейм превратил в краеугольный камень социологии: «...объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [4. С. 492].

В сопоставлении с мейнстримсоциологией и постструктурализмом «новый материализм» не просто отвергает различие между материей и социальностью, так же, как и разделение естественных и социальных наук, но и радикально расширяет сферу материалистического анализа и выходит за рамки как мейнстримсоциологии с ее субстантивизмом / редукционизмом, так и постструктурализма с его конструктивизмом [5. Р. 7]. Материальность – это всегда нечто большее, чем просто материя: избыточность, сила, витальность, множественность или различие, которые наделяют материю свойствами активности, самореализации, непредсказуемости. Но эти свойства не *post factum* приписываются предданной материи. Вся действительность материи заключена в ее материализации, в имманентных модусах самопреобразования, самоорганизации и необратимости.

Систематическое изложение «нового материализма» не входит в наши намерения. Мы здесь ограничимся тем, что выделим три ключевых требования новой материалистической социологии [6. С. 4].

1. Материальный мир не является фиксированным, устойчивым, его необходимо рассматривать в инстанции становления, событийности. Западная философская и соционаучная традиции склонны трактовать материю как нечто грубое и инертное: пассивную субстанцию, управляемую и манипулируемую субъектами. В отличие от этой безжизненной материи, новые материалисты

выступают за то, что Беннетт называет «живой материальностью» [7. Р. 6]: активная, живая, текучая материя генерирует формы без всякого внешнего вмешательства. Материя обладает своими собственными формопорождающими ресурсами, она не нуждается во внешних социальных конструкциях или субъектах, чтобы быть оформленной или управляемой [8. Р. 43].

2. Природа и культура должны рассматриваться не как отдельные сферы, а как части континуума материальности [9. Р. 3; 10. Р. 209]. Природа не является пассивным ресурсом для формирования культурных значений или социальных конструкций. «Новый материализм» трансформирует исходную оппозицию природы и культуры: не столько природа и не столько культура, а случайная или неупорядоченная гибридизация: сети, отношения, перформансы, материализации, ассамбляжи, гибриды человеческого-нечеловеческое, органическое-неорганическое. Гибридизация конструирует мир как свой собственный контекст и внешнюю среду. Дифференциация природы и культуры теряет всякую определенность, поскольку они совместно участвуют в операции, которая их опосредует и производит гибридную реальность.

3. Способность к действию присуща и нечеловеческим акторам [11. С. 77]. Способность к действию – это способность создавать различие, она выражается как различие и не существует отдельно от своего дифференциального выражения. Вместо двух разнородных областей (людей с их действиями и объектов) имеет место сложная сеть из человеческих и нечеловеческих акторов. Данное требование влечет за собой далеко идущие последствия. Во-первых, человеческое действие не обладает никакой привилегией: в каждом индивиду действуют многообразные центры сил, которые непрерывно комбинируются и борются; то, что мы называем действием, – это всего лишь проявление не поддающегося контролю конфликта между этими центрами сил, а не интенциональность, полагающаяся сама себе законы. Материалистический поворот в социологии устраняет ее антропоцентрическую направленность, признавая людей одной материальностью среди множества других.

Во-вторых, способность к действию признается рутинной чертой нечеловеческих объектов. Явления производятся в результате «интра-действий» множества человеческих и нечеловеческих агентов: «мир – это интра-действие в его дифференциальной материализации» [12. Р. 817]. Если способность к действию присуща и нечеловеческим объектам, то интенциональные коннотации действия нарушаются и в другом смысле. Нужно признать не только то, что человеческие интенции подвержены воздействию нечеловеческих объектов, но и то, что сами эти интенции в конечном итоге формируются в результате действий этих объектов.

Данные требования со всеми сопутствующими им выводами прямо противоречат основополагающим принципам мейнстримсоциологии. Чтобы в этом убедиться, надо только поставить вопрос о природе социальной реальности, которую подразумевают данные требования, а одновременно прояснить последствия этой онтологии для дисциплинарной идентичности социологии.

Две онтологии социального

Самого беглого взгляда на историю социологии достаточно, чтобы выделить два различных подхода к построению социальной онтологии и соответствующие ориентиры в понимании социальной реальности. В основании первой онтологии социального лежат принципы субстантивизма / эссенциализма, редукционизма и деонтологизации объекта. Принципиальным условием данной онтологии является выделение особого элемента в социальности и наделение его статусом сущности (объяснительного принципа или аналитической первопричины). То есть данный элемент получает привилегию основания, сущности, *causa prima* социального.

В этой перспективе за всеми проявлениями объектов исследователю необходимо увидеть метафизику социальной сущности. Благодаря этой сущности все объекты наделяются социальными качествами. Субстантивизм / эссенциализм часто принимает замаскированную форму «последней инстанции», когда, например, социальное, хотя, возможно, и признается в некотором отношении внутренне разделенным, неопределенным и динамичным, тем не менее рассматривается как обладающее сущностной общностью, преодолевающей все различия и множественности. Естественным продолжением субстантивизма / эссенциализма является редукционизм. Именно редукционизм обеспечивает сведение гетерогенности и множественности социального к единой субстанции / сущности. Все социальные явления соизмеримы, т.е. предполагают некую общую меру – сущность, к которой в конечном счете они и сводятся. Редукционизм в свою очередь возможен благодаря деонтологизации объектов, в результате которой объекты лишаются своей индивидуальности, неповторимости, потенциальности и тем самым уравниваются между собой, трансформируются в «гладкие объекты», что и позволяет индивидуальные различия редуцировать к единой сущности.

Эссенциализм характеризует не только раннюю социологию (мы уже упоминали «социальные факты» Дюркгейма или «социальные действия» Вебера), но и преобладает в макро-, микро-, мезосоциологических описаниях социального, когда последнее редуцируется к структурам (в структурализме, структурном функционализме), к практикам и категориям повседневной жизни (в феноменологической социологии, этнометодологии, символическом интеракционизме и т.д.), к срединным факторам, опосредующим отношения структуры и действия (к практикам в теории структуризации Э. Гидденс, к габитусам в структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, к коммуникациям в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса). Упоминание в одном ряду социологов настолько разных ориентаций, как, например, Дюркгейм, Вебер или Гидденс, идет вразрез с общепринятыми взглядами на историю дисциплины. Если для Дюркгейма объект социологии («социальные факты») нельзя смешивать ни с органическими, ни с психическими, он находится вне индивида и наделен принудительно силой [4. С. 413], то Вебер отождествляет

социальное с осмысленными действиями, ориентированными на других людей и осуществляемыми для достижения определенных целей [13. С. 625]. Гидденс утверждал, что нашел выход из дилеммы «империализма субъекта» и «империализма социального объекта» в «теории структуризации», согласно которой предметом социологии являются «социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [14. С. 40].

На первый взгляд, данные позиции представляются совершенно непримиримыми. И тем не менее общим местом мейнстримсоциологии остаются эссенциалистская онтология и задаваемые ею ориентиры в понимании социального. Во-первых, социальное обладает собственной идентичностью, отличается от любой другой реальности, не сводится к ней и не выводится из нее. Во-вторых, социальное автономно, т.е. оно является собственным основанием, причиной. Социология необходима, а социологический анализ оправдан именно в силу автономного существования социального. В-третьих, социальное самодостаточно в смысле самоописания и самообъяснения. Оно не нуждается в метафизических определениях мироздания. Задача социологии заключается в социальном объяснении социального. В-четвертых, социальное первично, оно полагается в качестве реальности, которая господствует над людьми и подчиняет все иные измерения и возможности бытия человека в мире – они выступают лишь как частный случай социального мира.

Новая материалистическая онтология, описываемая как «плоская» или «монистическая» [6. Р. 7], постулирует существование объектов, одинаковых по своему онтологическому статусу, но отличающихся по своему пространственно-временному масштабу [8. Р. 58]. Одинаковый онтологический статус объектов устраняет любые онтические различия между ними и указывает на безусловное их равенство без общей меры или критерия их сопоставления или сравнения. Никакая субстанция не может рассматриваться в качестве сущности социального. «Новый материализм» стремится постоянно уклоняться от наличия какой-либо субстанции / сущности социального. В действительности ни одно понятие, которое до сих пор в социологии представлялось онтологической субстанцией / сущностью, не может быть использовано для обоснования социального: «Ни действие, ни актор, ни взаимодействие, ни индивид, ни символ, ни система, ни общество, ни их многочисленные сочетания» [15. С. 91]. Первичной онтологической реальностью являются не замкнутые, ограниченные субстанции с определенными свойствами и качествами, а гетерогенные сети, переплетения, сочленения без предсуществующих субстанций [12. Р. 815]. Различение социального и материального нивелируется: отказ от основания во всех его формах сущности, причины и т.п. влечет за собой утверждение гетерогенности, множественности социального, его несамодостаточность, размывание его границ.

Множественность социального объясняется «двойной связью» принципа ирредукции: «Ничто само по себе ни редуцируемо, ни нередуцируемо ни к

чему» [16. Р. 158]. Данный принцип менее парадоксален, чем он есть на самом деле, если принять во внимание, что любой объект – это не субстанция, а множество. В таком случае принцип ирредукции подразумевает, что никакой объект-множество полностью, т.е. без остатка, нередуцируем ни к какому другому объекту-множеству, но это же означает, что объекты *частично* редуцируемы к другим объектам, т.е. части данного объекта-множества могут быть связаны с частями другого объекта-множества. «Двойная связь» ирредукции обеспечивает гетерархическое, сетевое структурирование социальности. Ключевым понятием новой материалистической онтологии становится понятие сборки, хотя в работах новых материалистов используется целый ряд других терминов для ее обозначения – множества, сети, ассоциации, перформативности, коллективности и т.д.

«Плоская онтология» манифестирует неиерархическое отношение между «микро» и «макро», «частью» и «целым», исключаяющее место интеграции, соединения, объединения множеств. Целое не тождественно тотальности или закрытой системе, оно открыто, его фундаментальной модальностью является непрерывное изменение или порождение нового. Целое образуется «отношениями экстерности» [8. Р. 10]: элементы сборки могут включаться в различные сборки, не создавая никакого органического целого. «Плоская онтология» проблематизирует саму идею автономного, самодостаточного социального, обеспечивающего описание явлений в социологических терминах. Социальное не может быть представлено во всей его идентичности, самодостаточности, поскольку сборки, расширяясь, связываясь с другими сборками, создают шаг за шагом новые материальные связи, устанавливая гетерогенную сеть в становлении. «Социальное» обозначает не отдельную сферу реальности, а процессы прослеживания гетерогенных сборок.

«Плоская онтология» серьезно усложняет вопрос о том, насколько актуальны тезисы «нового материализма» для концептуализации социального. Мейнстрим-социология могла предложить разные, а иногда и совершенно противоречащие друг другу аналитические перспективы, но она не ставила под сомнение существование автономной, самодостаточной социальной реальности и сосредоточивалась на ее описании. Именно в этом решающем пункте онтологического обесценения социального проявляются со всей ясностью крайние последствия «нового материализма».

Онтологические тупики «нового материализма»

Прежде всего важно отметить, что понятие социальной онтологии имеет смысл только при условии понимания четких границ социального. Для того чтобы определить социальное, мы должны выявить его границы и тем самым отличить его от того, чем оно не является. Мейнстримсоциология с ее принципами эссенциализма, редукционизма и деонтологизации объектов постулирует существование автономной, самодостаточной социальности. Без сомнения, в мейнстримсоциологии границы социального определяются исходя из исторически меняющихся

отношений с материей. Но она присваивает материю именно в качестве внешнего социального, трансформирует ее во внутреннее условие его собственно развертывания. Определение границ социального выступает как определение восстановленного ограничения, так что факт существования социальной реальности, какими бы подвижными ни были ее границы, никогда не оспаривается.

Но в тот момент, когда кто-то ставит под сомнение существование таких границ и, соответственно, автономного социального, устанавливает отношения пересечения или даже общности между различными онтологическими областями понятия социального и социальной онтологии становятся проблематичными. «Новый материализм» рассматривает социальное как поверхностный эффект несоциального, т.е. гетерогенных и множественных сетей, сборок, множеств. Последние отныне являются подлинным «предметом» социологического исследования, «несоциологическим основанием социологии» [17. Р. 83]. Рассеивание социального, попытки его трактовки в качестве реальности как таковой приводят к тому, что оно и вовсе лишается объективного существования. Поэтому неудивительно, что в «плоской онтологии» то, что мы называем обществом, является не чем иным, как аналитически ошибочной идентификацией большого числа тесно взаимосвязанных, но онтологически различных сборок: «...общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет, а есть переводы между посредниками, которые могут порождать прослеживаемые ассоциации» [11. С. 153]. Ассоциации остаются обособленными друг от друга, но вступают в отношения в форме сборок и экологий, упорядоченных «гравитационной» или аффективной силой, с которой они воздействуют друг на друга.

В некотором смысле, конечно, тезис о том, что «общество» представляет собой гетерогенную сеть вложенных друг в друга сборок, не вызывает сомнений и является необходимым следствием критики эссенциализма [18]. Переход от него к утверждению о множественном социальном представляется лишь логическим шагом. Есть, однако, одна трудность, которую не рассматривает вся эта аргументация, а именно: как определить границы сборки? Эссенциалистская перспектива позволяет установить общее основание и редуцировать к нему сборки; но если мы имеем дело с гетерогенными сборками, то мы лишаемся возможности установления систематических границ, которые определяли бы данную сборку. На самом деле, единственный способ определения сборки заключается в установлении ее границ, но для этого необходимо указание на то, что лежит за ними. Но за границами данной сборки могут быть только другие сборки, и в этом случае невозможно определить, являются ли эти сборки внутренними или внешними по отношению к данной сборке. Сама возможность ограничения и, следовательно, идентификации сборки, таким образом, ставится под угрозу. Возникает вопрос: из какой перспективы мы можем социологически воспринимать и описывать такое множественное социальное, когда отвергаем какое-либо понятие общего? «Новый материализм», исключая необходи-

мый элемент общности, которая является предпосылкой социологии вообще, превращает онтологическое устремление в рассказ о социологе-наблюдателе, рискующем впасть в «прекраснодушные представления»: имеются только различия, множества [19. С. 9].

Однако, как мы намерены далее показать, эта тенденция к номинализму и отказ от универсальных онтологических спекуляций самопротиворечивы как в отношении идентификации сборок, так и в отношении их материального и социального содержания.

Для большей убедительности нашей аргументации допустим, что идентификация сборок, пусть даже временная и локальная, возможна. Но это же означает, что любая сборка относительна и дифференциальна, поскольку идентифицируется исключительно в отношениях с другими сборками. А это в свою очередь предполагает присутствие не только других сборок, но и общего основания, конституирующего различия как различия. Данное допущение показывает, почему аргумент в пользу множественной социальности в конечном итоге противоречив. Множественность самоупраждает, как только она онтологизируется, наделяется свойствами реальности в форме сборок или ассоциаций. То есть множественность локализуется, обнаруживает свое «естественное» место, ограничивается, редуцируется к общему основанию. Онтологизация множественности самопротиворечива, потому что она служит основой для установления различий как различий, и такая основа может быть только новой версией эссенциализма.

Аналитические трудности возникают и при описании отношения социального и материального содержания сборок. Ключевые требования «нового материализма» призваны преодолеть традиционные социологические оппозиции, в том числе оппозицию социального и материального. Если мир состоит из социоматериальных сборок, то это означает, что существование материальностей неразрывно связано с их социальным (человеческим) оформлением. Можно выделить три отчетливые трактовки этого соотношения социального и материального.

Первая трактовка является эпистемологической. Она не отрицает существования материи вне социальных форм, но объектом социологии объявляет именно социальную или социализированную материю. Согласно данной трактовке, могут существовать материальности, которые независимы от социальных форм, но об этих материальностях как таковых мы ничего не можем знать. И главным образом потому, что у нас нет доступа к материальностям, которые не были бы связаны с актом мышления. Данная трактовка впадает в известный «корреляционистский круг» [20. С. 12]: как только мы пытаемся мыслить что-то независимое от нашего мышления, оно тут же становится объектом мышления. Но тем самым «новый материализм» воссоздает дуализмы, которые он тщетно пытается преодолеть: дуализм материи-в-себе и материи-для-нас, природы и общества.

Согласно второй – онтологической – трактовке, мир существует в форме социоматериальных сборок, т.е. существование материи зависит от социальных форм. Но тем самым «новый материализм» восста-

навливает известную форму антропоцентризма и противоречит собственным требованиям. Во-первых, отрицается существование материальностей, независимых от социальных форм, что противоречит требованию «нового материализма» о живой, активной материи, генерирующей формы без всякого внешнего вмешательства. Во-вторых, нарушается другое требование «нового материализма», согласно которому способностью к действию наделяются не только человеческие акторы, но и нечеловеческие объекты. Материальности лишаются самой возможности существования вообще, кроме тех случаев, когда они встроены в социальные формы.

Третья трактовка также является онтологической, но основывается на идее независимости материи от социальных форм. То есть мир состоит как из материальных, так и из социоматериальных сборок, но только последние являются предметом социологии. Недоступность материи вне социальных форм не исключает их существования. Однако в данной версии «новый материализм» ничем не будет отличаться от большинства направлений мейнстримсоциологии, которая постулирует достаточно подвижные границы между социальным и материей.

Хотя главная идея, лежащая в основе «нового материализма», может быть привлекательной, при ближайшем рассмотрении возникает ряд методологических и аналитических проблем, которые фактически лишают нас возможности описания радикальной множественности социальности. Множественность не может быть универсально и окончательно обоснована, поскольку она открыта собственной множественности. Если новые материалисты, желая избежать корреляционизма и антропоцентризма, допускают существование материи вне социальных форм, то это решение не содержит ничего радикального и оригинального.

Заключение

«Новый материализм», будучи теоретически амбициозным, междисциплинарно обоснованным и риторически убедительным, предлагает не только оригинальные (хотя, очевидно, все еще оспариваемые) способы анализа места материальности – во всех его модальностях – в структуре социальной реальности, но и важную провокацию относительно дисциплинарной определенности социологии. Нужно согласиться с тем, что «новый материализм» значительно расширяет сферу материалистического анализа в социальных науках, создает предпосылки для преодоления традиционных социологических оппозиций человеческого и нечеловеческого, социального и естественного, структуры и действия, макро- и микро-, формулирует новую онтологию социального и развертывает систему понятий, конкретизирующую эту онтологию в описании, объяснении и проектировании социальных процессов. В статье мы поставили ряд критических вопросов в отношении онтологических последствий «нового материализма», его методологических возможностей и аналитических ресурсов. Эти вопросы обнажают серьезную альтернативу. Альтернатива, сформулированная в

терминологии данной статьи, может быть обобщена следующим образом.

С одной стороны, онтологическое обесценение социального, размывание границ социологических явлений можно интерпретировать как недостаток. В конце концов, определенность онтологических границ свидетельствует об объективной зрелости дисциплины, так что социологии необходимо преодолеть этот недостаток, разработав более «приемлемые» ответы на вызов «нового материализма». С

другой стороны, можно сомневаться в желательности установления онтологических границ социологии и принять тот факт, что социология постоянно пересматривает границы своего предмета исследования. Последнее и делает ее «самой опасной, дерзкой и провокационной из общественных наук» [14. С. 5], а именно наукой о современных обществах. Это не вполне приемлемая гипотеза для дисциплинарного духа, но она, безусловно, лучше соответствует динамичной и реляционной социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dolphijn R., van der Tuin I. *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Michigan : Open Humanities Press, 2012. 198 p.
2. Koch A.M. *Materialism and Social Inquiry in the Continental Tradition in Philosophy*. Lanham : Lexington Books. 158 p.
3. *Discussing New Materialism. Methodological Implications for the Study of Materialities*. Wiesbaden : Springer. 220 p.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. 575 с.
5. *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham; London : Duke University Press, 2010. 552 p.
6. Fox N.J., Alldred P. *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*. London : SAGE Publications Ltd., 2017. 240 p.
7. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham; London : Duke University Press, 2010. 200 p.
8. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London; New York : Continuum. 149 p.
9. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge : Polity Press, 2013. 180 p.
10. Haraway D. *Modest_Witness@Second_Millennium. Femaleman_Meets_Oncomouse*. New York : Routledge, 2018. 424 p.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
12. Varad K. Posthumanist performativity: toward an understanding of how matter comes to matter // *Sign*. 2003. № 28 (3). P. 801–831.
13. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
15. Латур Б. Об интеробъектности // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.
16. Latour B. *The pasteurization of France*. Cambridge : Harvard University Press, 1988. 292 p.
17. Toews D. Tarde and Durkheim and the non-sociological ground of sociology // *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London : Routledge, 2010. P. 80–92.
18. Красавин И.В. Гетерархия множества // *Логос*. 2017. Т. 27, № 3. С. 173–198.
19. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
20. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 октября 2020 г.

“New Materialism” in Sociology: Ontological Consequences

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 56–62.

DOI: 10.17223/15617793/462/7

Tapdyg Kh. Kerimov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kerimovt@mail.ru

Keywords: new materialism; mainstream sociology; social constructivism; social ontology; assemblage; correlationism; anthropocentrism; disciplinarity; post-disciplinarity.

The aim of this article is to provide a critical account for the ontological consequences of “new materialism” in sociology. The author explicates the context of the emergence of “new materialism”. In juxtaposition of materialism in mainstream sociology and social constructivism, “new materialism” significantly extends the sphere of materialistic analysis. It looks at the matter not as a pure container of the form, a pure passivity, but is rewarded with the features of energetism, vitalism and generative capacities. The author discloses the content of “new materialism” through reference to its three requirements: the processuality, eventfulness of the material world; the single nature-culture continuum; the extension of the capacity to act to non-human objects. In sum, all these requirements provide presuppositions for the “flat ontology” of assemblages that is opposed to mainstream sociology. The latter, with its principles of essentialism, reductionism and deontology of objects, postulates the existence of autonomous and self-sufficient sociality. In contrast, in new materialistic ontology none of the substances can be taken as an essence of the social, which entails the affirmation of the heterogeneity and multiplicity of the social. Heterogeneous assemblages appear as a primary ontological unit. Erosion of the social, its ontological devaluation as a separate sphere of reality, leads to the fact that notions of the social and social ontology become problematic. The article reveals ontological dead ends in the identification of assemblages and in the description of their social and materialistic content. The possibility of assemblage identification shows that ontologization of multiplicity can be only a new version of essentialism. The argument of the article is that there are three interpretations of assemblages, distinguished in terms of their material and social content. The first one allows the existence of matter out of social forms, but denies the possibility of its cognition and thus restores the dualism of matter-in-itself and matter-for-ourselves, of nature and society. The second one denies the existence of matter out of social forms, but thus becomes anthropocentric, which contradicts to the initial requirements of “new materialism”. The third interpretation is based on the idea of the independence of matter from social forms, but in such a version “new materialism” does not differ from mainstream sociology. The ontological dead ends of the “new materialism” bare the alternative between the disciplinary and post-disciplinary identities of sociology in the situation of a dynamic and relational social reality.

REFERENCES

1. Dolphijn, R. & van der Tuin, I. (2012) *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Michigan: Open Humanities Press.
2. Koch, A.M. (2017) *Materialism and Social Inquiry in the Continental Tradition in Philosophy*. Lanham: Lexington Books.
3. Kissmann, U.T. & Van Loon, J. (eds) (2019) *Discussing New Materialism. Methodological Implications for the Study of Materialities*. Wiesbaden: Springer.
4. Durkheim, E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of labor in society. The rules of sociological method]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Nauka.
5. Coole, D. & Frost, S. (eds) (2010) *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham; London: Duke University Press.
6. Fox, N.J. & Alldred, P. (2017) *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*. London: SAGE Publications Ltd.
7. Bennett, J. (2010) *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham; London: Duke University Press.
8. DeLanda, M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London; New York: Continuum.
9. Braidotti, R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
10. Haraway, D. (2018) *Modest_Witness@Second_Millennium. Femaleman_Meets_Oncomouse*. New York: Routledge.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
12. Barad, K. (2003) Posthumanist performativity: toward an understanding of how matter comes to matter. *Sign*. 28 (3). pp. 801–831.
13. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress.
14. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The constitution of society: Outline of the theory of structuration]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
15. Latour, B. (2007) On interobjectivity. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 6 (2). pp. 79–96. (In Russian).
16. Latour, B. (1988) *The pasteurization of France*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Toews, D. (2010) Tarde and Durkheim and the non-sociological ground of sociology. In: Candea, M. (ed.) *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London: Routledge. pp. 80–92.
18. Krasavin, I.V. (2017) Heterarchy of the multitude. *Logos*. 27 (3). pp. 173–198. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-173-195
19. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Translated from French. St. Petersburg: Petropolis.
20. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Translated from English by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.

Received: 28 October 2020